

А.С. Афанасьев-Чужбинский

Очерки прошлого

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.С. Афанасьев-Чужбинский**
Очерки прошлого: Часть 1 / А.С. Афанасьев-Чужбинский – М.: Книга
по Требованию, 2017. – 269 с.

ISBN 978-5-518-09126-9

ISBN 978-5-518-09126-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

съ солдатъ, исполняли только долгъ службы, понимая его по тогдашнему, но не внося въ свои приговоры ни жажды крови, ни любви къ истязаніямъ, ни тѣхъ издѣваній надъ беззащитнымъ солдатомъ, которыя употреблялись командирами другихъ эскадроновъ. Тѣмъ не менѣе приходилось и мнѣ, отбывая караулы, подчиняться разнымъ личностямъ, жестокости которыхъ возмущали душу и были причиной разныхъ неприятныхъ столкновеній. Командиръ полка у насъ былъ человекъ въ сущности не злой, разумѣется не щадившій палокъ при случаѣ, но преданный всею душою хозяйственному управленію полкомъ, такъ что собственно вся фронтовая служба лежала на обязанности эскадронныхъ командировъ. Онъ рѣдко наказывалъ солдатъ за ѣзду, сабельные приемы, фланкировку, но зорко слѣдилъ за одеждой, разумѣется обращая вниманіе и на опрятность, преимущественно же на долговременность носки, и любилъ, чтобы солдаты носили прослуженное платье. Я рассказываю не анекдоты, но истинное событіе, и потому не могу не припомнить оригинальнаго появленія нашего полковника передъ фронтомъ. Бывало, выйдемъ въ разводъ. Онъ никогда не заставлялъ ожидать себя. Вотъ онъ подходитъ къ правому флангу и зорко смотритъ по шеренгамъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ старшіе здороваются, но нашъ никогда бывало не скажетъ, подойдя къ фронту: «здорово, ребята!» — нѣтъ, онъ, уткнувъ палецъ въ какогонибудь унтеръ-офицера или рядоваго произносилъ басомъ:

— Котораго года рейтузы?

— 38-го, ваше высокоблагородіе!

— Врешь! 39-го.

Или спрашивалъ:

— Котораго года куртка?

— У меня прослуженная, ваше высокоблагородіе

— Молодецъ!

И тогда только говорилъ: «здорово, ребята!» вслѣдъ за чѣмъ раздавалось извѣстное: «здравія желаемъ». А иной разъ, найдя неисправность въ одеждѣ какого нибудь солдата и освѣдомившись, что на бѣднякѣ и рейтузы и куртка были новѣе, чѣмъ предполагалось, нашъ командиръ бралъ за носъ виновнаго и водилъ его по фронту, приговаривая:

— Смотрите на этого бездѣльника, у него рейтузы 39-го года, у него у бестіи куртка съ иглочки!. Да за чѣмъ же смотреть вахмистръ, ракалія? Любуйтесь.

И это мы, молодежь, называли разводомъ съ церемоніей. Чтобы не вдаваться въ излишнія подробности о благоразумной экономіи, я приведу изъ жизни нашего полковника лишь то, что характеризуетъ эту замѣчательную личность. Онъ былъ страшно скупъ и стяжатемень. Пригласить нѣсколько офицеровъ обѣдать и видѣть, что инымъ недостаетъ того или другаго,—для него ничего не значило. Нерѣдко прямо отъ полковничьяго обѣда бѣжишь бывало къ кому нибудь изъ товарищей—спросить, не осталось ли чего отъ скромной трапезы. Одѣвался онъ такимъ, если можно выразиться, оборванцемъ, что на многихъ частяхъ его костюма виднѣлись заплатки, а эполеты носилъ такіе, которыхъ не надѣвалъ у насъ ни одинъ офицеръ. Относительно эполетъ лучше всего рассказать одно происшествіе, долго забавлявшее всю нашу дивизию. Въ поселенныхъ полкахъ послѣ весенняго кампанента лошади расковывались и отправлялись на травяное продовольствіе. У насъ обыкновенно офицеръ дежурилъ цѣлую недѣлю съ дивизиономъ лошадей въ степи, отводимой окружнымъ командиромъ гдѣ нибудь вблизи водопоя. Случалось нерѣдко, согласившись съ товарищами, безъ смѣны дежурить одному все время травяннаго продовольствія. Искренній другъ мой и соученикъ, поручикъ Б... постоянно проводилъ время на дежурствѣ, устроивая себѣ на живописномъ мѣстѣ шалашъ, занимаясь то

рисованьемъ, то ботаникой, или бродя съ ружьемъ съ гастрономической цѣлью. Однажды поѣхалъ я къ другу. Передъ вечеромъ сидѣли мы въ шалашѣ безъ сюртуковъ, съ трубками (тогда еще не знали папирозъ) и собирались пить чай, ожидая, пока мальчикъ, Сашка, окончитъ возню съ самоваромъ. Подошелъ унтеръ-офицеръ.

— Ваше благородіе, никакъ полковникъ ѣдетъ.

— Гдѣ?

— А вонъ, по ту сторону оврага.

Я выглянулъ. Дѣйствительно, высокаго роста штабъ-офицеръ на полныхъ рысяхъ подѣхалъ къ оврагу. Мы бросились было одѣваться. Но любопытный Сашка, взобравшійся на шалашъ, крикнулъ намъ веселымъ голосомъ:

— Не хлопайте, не одѣвайтесь: это Павелъ Петровичъ (майоръ Л*).

— Почему же ты знаешь?

— У полковника вѣдь черные эполеты, а у этого посмотрите, какіе бѣленькіе!

Доказательство было очевидно, и мы скоро съ удовольствіемъ встрѣтили майора Л*, стараго харьковскаго студента, который недавно еще былъ моимъ эскадроннымъ командиромъ.

Полковникъ нашъ очень любилъ читать офицерамъ наставленіе о бережливости, распространялся о неумѣннй молодежи обращаться съ платьемъ, и даже былъ такъ любезенъ однажды со мною, что повелъ меня въ спальню и, открывъ ящикъ съ бѣльемъ, показывалъ мнѣ наволочки еще 1813 г. Это было въ 1839 г. Скупость его была извѣстна цѣлому корпусу; но я думаю, немногіе знаютъ, что полковнику нашему ничего не стоило содержаніе канцеляріи. Можетъ быть это покажется парадоксомъ, однакоже такъ было въ дѣйствительности. Бумага приходилась ему даромъ, и это весьма просто. Закупая самъ желѣзо въ Х* для полковыхъ надобностей, и сторгова-

шись въ цѣнѣ, полковникъ требовалъ еще въ придачу нѣсколько стопъ писчей бумаги, двухъ-трехъ достоинствъ, какія всегда имѣлись, по крайней мѣрѣ въ то время, въ желѣзныхъ лавкахъ, что и было достаточно для годового расхода. На особенно важную переписку онъ покупалъ лишь нѣсколько листовъ хорошей бумаги, которую и выдавалъ собственноручно по листамъ въ канцелярію. Можно сказать, что у него не тратился и малѣйшій лоскуточекъ этого снабдѣя, потому что черновыя отношенія и предписанія писались на свободномъ мѣстѣ какихъ нибудь неважныхъ рапортовъ. Полковнику ничѣмъ было нельзя больше угодить, какъ написать къ нему самое коротенькое письмо на листѣ хорошей бумаги, и случалось не разъ, что офицеръ получалъ разрѣшеніе на сомнительный отпускъ, если писалъ къ нему предварительно частное письмо на отличной бумагѣ такъ ловко, чтобъ можно было отрѣзать не только чистый полулистъ, но и выгадать еще осьмушку. Онъ, не стѣняясь, принимался за эту операцію въ присутствіи своихъ штабныхъ. Однажды—это было весной, въ кампанентъ. Полкъ въ сборѣ. Надо сказать, что полковникъ ходилъ ежедневно въ канцелярію, какъ говорили, собственно въ предупрежденіе лишней траты канцелярскихъ принадлежностей. Вотъ сидитъ онъ и занимается съ квартирмейстеромъ какими-то расчетами. Канцелярія наша состояла изъ большой комнаты, въ которой помѣщались всѣ столы: адъютантскій, казначейскій, квартирмейстерскій и аудиторскій. Всѣ штабные на лицо и много посторонняго народу за разными надобностями. Входитъ трубачъ, видный малый, лѣтъ двадцати пяти, и вытянувшись, какъ слѣдуетъ, останавливается у двери. Полковникъ подымаетъ глаза.

— А! трубачъ! Котораго году рейтузы?

— Прослуженные, в. в—іе.

— Молодецъ! Здорово!

— Радъ стараться! Здравія желаю! гаркнулъ ловкій трубачъ, твердо знавшій, какой слѣдовалъ казенный отвѣтъ на не менѣе казенную фразу.

— Зачѣмъ пришелъ?

— Присланъ отъ г. капельмейстера къ в. в—ію.

— Что ему надобно?

— Вы изволили требовать новый маршъ —скаго полка такъ *амы* прислали, чтобъ пожаловали бумаги.

— Бумаги?

И полковникъ всталъ съ своего мѣста.

— Точно такъ, в. в—іе!

— А какой тебѣ бумаги?

— Бѣлой, голландской, в. в—іе.

— Что-о-о?

— Бѣлой голландской...

— Бѣлой голландской!

И полковникъ подошелъ къ самому трубачу.

— Ахъ ты, анаеема этакая! бѣлой голландской! Вотъ я тебѣ дамъ! Смотрите, ракалаіа какая! Налѣво — кругъ-омъ!

Трубачъ поворотился. Полковникъ толкнулъ его къ двери.

— Бѣлой голландской? Врешь, каналья! Синей сахарной тебѣ, протекучки тебѣ съ твоимъ капельмейстеромъ...

И трубачъ вылетѣлъ за дверь, конечно, не по собственному желанію. Грозный командиръ дошелъ до половины канцелярїи и вдругъ остановился.

— Позвать мнѣ эту бестію!

Трубачъ явился.

— Какой тебѣ велѣно бумаги?

— Бѣлой голландской, в. в—іе.

И снова повторилась прежняя сцена. Событіе это быстро обѣ-
жало по всему корпусу.

Сургучъ тоже ничего не стоилъ нашей канцеляріи, потому что стапливался изъ получаемыхъ конвертовъ, и какъ входящая и исходящая переписка почти равнялись, то развѣ какойнибудь фуптъ и былъ приобретаемъ покупкою. Получаемые конверты выворачивались и въ свою очередь разсылались къ низшимъ и равнымъ, и только для рапортовъ въ высшія инстанціи расходовалась для обертоговъ чистая бумага. Перья добывались самымъ легкимъ способомъ: писарямъ было вмѣнено въ обязанность собирать ихъ, когда линяли гуси, но писаря обыкновенно ошпиывали поселянскихъ гусей, и въ этомъ матеріалѣ никогда недостатка не было. Чернила приготавливались въ канцеляріи, а въ послѣднее время, оказавъ какое-то снисхожденіе главному госпиталетельному доктору, полковникъ пользовался чернилами отъ госпитального вѣдомства.

По этимъ маленькимъ даннымъ читатель можетъ судить, что же выдѣлывалъ нашъ полковникъ относительно швальни, чеботарни, разныхъ мастерскихъ и продовольствія полка! Мастеръ былъ своего дѣла, нечего сказать! О немъ ходила у насъ поговорка, что онъ постоянно страдалъ *вершиковой михорадкой*. Дѣйствительно, находчивость его и умѣнье извлекать изъ всего доходы—были изумительны, и потому нечего удивляться, что нашъ почтеннѣйшій отецъ-командиръ ежегодно откладывалъ въ банкъ довольно значительныя суммы. Я не знаю всѣхъ подробностей хозяйственныхъ распоряженій, но очень хорошо помню про одну штуку, доказывающую только, на что былъ способенъ этотъ человекъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ кавалеріи уничтожены были кобуры или, какъ мы называли, ольстреди. Кожа, изъ которой они дѣлались, разумѣется, нигде негодилась, хотя, конечно, ихъ слѣдовало продать съ публичнаго торга и записать вырученную сумму на приходъ. Прочіе полковые командиры такъ и сдѣлали, предоставили эскадроннымъ поступить съ ненужными кобурами какъ угодно,

а сами внесли деньги изъ собственного кармана . Нашъ поступилъ совершенно иначе и заработалъ порядочную сумму . Въ то время при каждомъ полку состоялъ дивизионъ кантонистовъ , обмундировка которыхъ лежала на обязанности полковаго командира , не знаю уже на счетъ какой суммы : изъ благоразумной ли экономіи , или для этого просто отпускались деньги . Съ полученіемъ приказа объ уничтоженіи кобуръ , полковнику нашему пришла блистательная мысль употребить эту вещь на обувь кантонистовъ , а какъ ольстреде годились только для передовъ , то ему тотчасъ же явилась другая не менѣе блистательная мысль — сдѣлать подошвы изъ старыхъ потебенекъ отъ уничтоженныхъ вальтраповъ , которыя собирались въ цейхгаузъ , безъ всякой опредѣленной цѣли , а единственно по скряжничеству полковника . Черезъ недѣлю сапоги были готовы , а какъ дивизионъ не могъ разомъ потребить всѣхъ кобуръ , то они долго служили предприимчивому нашему финансисту .

Изъ этого очерка вы видите , что командиръ нашего полка не имѣлъ много времени заниматься собственно строевой частью , а если и любилъ дѣлать разводы , то цѣль его въ этомъ случаѣ была чисто хозяйственная : повѣрить обмундировку и аммуницію . Надобно , однако же , отдать ему справедливость — службу онъ зналъ очень хорошо и полкъ училъ быстро , не горячился и никогда на смотрахъ не путался , какъ дѣлали иногда другіе командиры на боевыхъ порядкахъ . Дрался съ нижними чинами рѣдко , но мѣтко , въ особенности , если тутъ вмѣшивались протертые рейтузы или испорченная сбруя . Ругался мастерски , хотя безъ особенныхъ вариаций .

Дивизионеры у насъ значили меньше нуля , такъ что если которыйнибудь былъ не въ ладу со своими эскадронными командирами , то его лошади не отпускали даже фуража . Вся власть находилась въ рукахъ эскадронныхъ командировъ и ихъ стар-

шихъ вахмистровъ, а мы, субальтернъ-офицеры, какъ водится, шатались по помѣщикамъ и только строго слѣдили за очередью въ полковой или корпусной караулы. У насъ, конечно, по положенію, были взводы, но мы ихъ и въ глаза не видѣли; я, признаюсь, не скоро даже узналъ фамилію своего взводнаго вахмистра, потому что былъ въ то время влюбленъ и рѣдко жилъ при своемъ мѣстѣ. Эскадронный командиръ мой былъ образованный и добрый человекъ, выгодъ своихъ не забывалъ, но обходился съ людьми по человѣчески. Впослѣдствіи однако же, спустился онъ на одного штабсъ-ротмистра, который и заправлялъ строевою частью, облегчая труды командира, единственно изъ желанія первенствовать. Старикъ нашъ ротмистръ былъ гостепріименъ и любилъ принимать своихъ подчиненныхъ. Упомянутый штабсъ-ротмистръ, похожій съ виду на обезьяну, порядочный товарищъ, считалъ однако же обязанностью прослыть предметомъ ужаса въ эскадронѣ и обратилъ особенное вниманіе на палки и розги, которыя у насъ, какъ-то были не въ большомъ ходу. Ежедневно по всѣмъ взводамъ происходила экзекуція. Молодежи это не понравилось. Но извѣстно, молодежь! Мы собрались, пошумѣли, а на другой день два корнета уѣхали на балъ верстъ за 60, я же остался, потому что надо было идти въ караулъ въ полковой штабъ. Выходя вечеромъ отъ эскадроннаго командира, я началъ говорить штабсъ-ротмистру, что онъ слишкомъ уже ретиво принялся за службу. Онъ засмѣялся и отвѣчалъ мнѣ, что это мнѣ кажется такъ по молодости, но какъ послужу, то перемѣню убѣжденіе. Мы поспорили. На другой день рано утромъ пошелъ я во взводъ въ исполненіе прямой своей обязанности. Вахмистръ былъ въ амуничникѣ и хлопоталъ о чемъ-то съ унтеръ-офицеромъ. Они перебирали большую кучу свѣже-нарѣзанныхъ прутьевъ.

— Это зачѣмъ? спросилъ я.

— Г. штабсъ-ротмистръ приказали; они объщали сегодня перепоротъ весь взводъ отъ праваго до лѣваго фланга.

— Выбросить всѣ розги въ рѣку!

— Слушаю, в. б—ю.

Вахмистръ очень хорошо зналъ, что я былъ его взводнымъ командиромъ, слѣдовательно я отвѣчалъ за всѣ свои распоряженія, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ отнесъ и бросилъ въ грязный ручей порядочную вязанку лозы. Люди собрались для пѣшаго строя. Я велѣлъ вахмистру производить ученье, а самъ пошелъ въ конюшню посмотреть на лошадей. Минуть черезъ десять я услыхалъ крикъ и страшную брань.

— Я васъ! Я тебя! и т. п. съ прибавленіемъ извѣстныхъ поговорокъ.

Освидѣтельствовавъ, застегнуты ли у меня всѣ крючки и пуговицы, я вышелъ изъ конюшни. Спиной ко мнѣ, взявшись въ бока, фертомъ, стоялъ штабсъ-ротмистръ и ораторствовалъ.

— Розогъ! крикнулъ онъ наконецъ.

Вахмистръ, увидѣвши меня, не трогался съ мѣста и не отвѣчалъ ни слова,

— Я тебѣ говорю, ракалія!

— Что вамъ угодно? отозвался я, подходя къ разгнѣванному человѣчку.

— А! здравствуйте! и вы здѣсь?

— Какъ видите.

— Прекрасно! Что же розогъ? продолжалъ штабсъ-ротмистръ, застегивая сюртукъ, потому что онъ пришелъ по домашнему, даже безъ эполетъ.

— Напрасно вы беспокоитесь, сказалъ я ему серьезно: — какъ потому, что горячиться вредно, такъ и потому, что я не позволю вамъ распорядиться у меня во взводѣ.

Штабсъ-ротмистръ поблѣднѣлъ.

— Вы забываетесь, сказалъ онъ.

— Нисколько, отвѣчалъ я.

— Какъ вы смѣете говорить старшему дерзости?

— Во-первыхъ, вы не мой начальникъ, во-вторыхъ, пришли не въ формѣ, хоть это до меня и не касается, а въ-третьихъ я прошу васъ уйти отсюда и не мѣшать мнѣ заниматься.

— Такъ вы этакъ, г. корнетъ?

— Этакъ, г. штабсъ-ротмистръ.

— Хорошо же! я вамъ покажу....

— Желалъ бы знать, что вы мнѣ покажете?

— Вы забываете всякое чиновочитаніе.

— Вы такой же взводный командиръ, какъ и я; а хоть и считаетесь полуэскадроннымъ, то все-таки во второмъ полуэскадронѣ; а я какъ старшій корнетъ въ двухъ взводахъ — самъ исполняю такую же должность. Не угодно ли оставить меня въ покоѣ!

Штабсъ-ротмистръ ушелъ. Я сдѣлалъ маленькое ученье, которое дѣйствительно прошло очень хорошо, такъ что на послѣдній полтинникъ я велѣлъ купить людямъ водки.

Черезъ два часа меня позвали къ эскадронному командиру.

Я имѣлъ сильную перепалку, которая однако же кончилась тѣмъ, что я доказалъ ротмистру все безчеловѣчіе поступковъ моего старшаго товарища, и добрякъ, пожуривъ меня за рѣзкую выходку, съ тѣхъ же поръ принялъ мѣры, чтобы наказанія не происходили безъ его вѣдома. Съ штабсъ-ротмистромъ мы скоро помирились. Подобный эскадронъ еще былъ въ полку, гдѣ съ людьми обращались болѣе или менѣе по человѣчески, но въ остальныхъ дрались до неимовѣрной степени, такъ что нѣсколько разъ происходили серьезные случаи. Солдатъ нашъ необыкновенно терпѣливъ и безропотно выносить самое ужасное жестокосердіе начальника, если послѣдній забиваетъ солдата хоть до полусмерти, но только за какую нибудь вину. Бѣдняки говорятъ тогда: